

В.А. Мякотин

Лекции по русской истории

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
В11

В11 **В.А. Мякотин**
Лекции по русской истории / В.А. Мякотин – М.: Книга по Требованию, 2012. – 470 с.

ISBN 978-5-4241-9630-0

ISBN 978-5-4241-9630-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

отъ установившагося жизненнаго строя, введеніе небывалыхъ порядковъ, новыхъ началъ жизни—вотъ основной мотивъ недовольства, красною чертой проходящей по всей той литературѣ Петровскаго времени, которую можно бы, употребляя позднѣйшія термины, назвать литературой оппозиціонной. Этотъ мотивъ наиболее ярко выражается въ произведеніяхъ раскольничьяго пера, но проявляется и въ писаніяхъ православныхъ духовныхъ и мірянъ, въ томъ числѣ и правительственныхъ чиновниковъ, и весьма недвусмысленно сквозитъ даже въ проповѣдяхъ такого близкаго, казалось бы, къ правительству лица, какъ блюститель патріаршаго престола. Очевидно, старое теченіе жизни дѣйствительно помутилось, въ него сильной струей входитъ что-то новое, заставляющее раздѣляться людей, которые вчера еще стояли заодно, нессящее вражду и раздраженіе туда, гдѣ еще недавно царствовали миръ и согласіе. Тѣ рѣзкія формы, въ какихъ проявляется недовольство, ясно указываютъ, что дѣло идетъ не о какой-нибудь частной новости, а о замѣнѣ однихъ принциповъ общественнаго устройства другими, которые стоятъ или, по крайней мѣрѣ, кажутся стсящими въ рѣзкомъ противорѣчій съ первыми. И если отъ литературы оппозиціонной мы перейдемъ къ произведеніямъ другой партіи, то такое впечатлѣніе только усилится: мы найдемъ здѣсь проповѣди, восхваляющія значеніе и пользу новыхъ законовъ, равнымъ образомъ, какъ найдемъ въ законахъ статьи, порицающія старую манеру проповѣдей, встрѣтимъ нападки на старое, хотя быть можетъ менѣе влобныя, но не менѣе ожесточенныя, чѣмъ вылазки приверженцевъ старины противъ вновь заводящихся порядковъ. Весь старинный строй осуждается въ этой литературѣ, какъ продуктъ невѣжества, и къ защитникамъ его прилагаются эпитеты невѣждъ, мужиковъ и т. п. Защита вносимой въ жизнь повязки, доказательство ея преимуществъ сравнительно съ старинною и вмѣстѣ съ тѣмъ ея правоты служитъ главной задачей литературной дѣятельности всей партіи и защита эта ведется до такой степени усердно, что самые законы, какъ напримѣръ Духовный Регламентъ, обращаются временами въ полемическіе трактаты, но лишены сатирическихъ выходовъ.

Такимъ образомъ мы находимъ въ литературѣ отраженіе борьбы, ваволновавшей русское общество въ данную эпоху, борьбы двухъ теченій, изъ которыхъ одно отстаивало старину, другое же наоборотъ стремилось внести измѣненія въ жизнь Московскаго государства. Въ чемъ же состояли эти измѣненія, эти новины, оказавшіяся способными произвести такое глубокое раздѣленіе въ обществѣ? Наиболее полный и рѣзкій отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ сказанія того времени, возникавшія въ разгаръ борьбы двухъ направленій среди враждебной Петровскому правительству партіи. По словамъ одного такого сказанія царь, отправившись путешествовать за границу, заѣхалъ между прочимъ

въ Стекольное царство (Стокгольмъ), гдѣ царствовала дѣвица. Эта дара-дѣвица, разсердившись за что-то на Петра, приказала посадить его въ темницу, когда же затѣмъ по просьбѣ своихъ князей и бояръ она освободила Петра, то бывшіе съ нимъ русскіе бояре задумали посадить его въ бочку, убитую гвоздями, и кинуть въ море. Самопожертвованіе одного стрѣльца спасло царя, но на Русь онъ не вернулся. По другому варианту Петръ погубъ, закованный въ бочкѣ и брошенный въ море, а вмѣсто его изъ-за границы подъ видомъ царя пріѣхалъ нѣмецъ. Наконецъ, еще третій рассказъ гласилъ, что при самомъ рожденіи царя онъ былъ подкинутъ и на мѣсто его подложенъ къ царницѣ Натальѣ Кирилловнѣ сынъ какой-то жившей въ Москвѣ нѣмки.

Въ грубой легендарной формѣ здѣсь очень вѣрно передана однако сущность разлада, воцарившагося въ русской жизни при Петрѣ. Въ сближеніи съ нѣмцами (понимая это слово, какъ оно у насъ тогда употреблялось, въ смыслѣ вообще иноземцевъ), съ Западомъ сосредоточивались, какъ въ фокусѣ, всѣ преобразованія и новости этой жизни въ началѣ 18-го столѣтія, оно само было главной, первенствующей новостью, изъ которой вытекали всѣ другія. Вся дѣятельность Петра и его сотрудниковъ была направлена къ тому, чтобы вдвинуть Московское государство, до тѣхъ поръ стоявшее особнякомъ, въ кругъ европейскихъ державъ и сдѣлать русскихъ участниками всѣхъ благъ цивилизаціи, выработанной на Западѣ. Недаромъ современники говорили про Петра, что онъ «отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими», подразумѣвая подъ этими прочими именно западно-европейскія государства. Сообразно этой главной цѣли выбирались и средства къ достиженію ея, средства, также составленныя на чужой ладъ, по иностранному образцу. Петръ, желая, по его выраженію, догнать народы Западной Европы, стремился пересадить всю ту культуру, которой жила эта послѣдняя, въ Россію, хотѣлъ заимствовать все то, что казалось необходимымъ въ жизненномъ обиходѣ. Поэтому необходимость перенять западную науку, западное образованіе во всѣхъ его деталяхъ выставлялась и доказывалась Петровскимъ правительствомъ при всякомъ удобномъ случаѣ: на эту тему писались и говорились проповѣди, сдѣлавшіяся въ то время вообще какъ бы органомъ публицистики, эта же мысль объяснялась и проводилась въ правительственныхъ указахъ. По отношенію къ этой главной цѣли не возникало и недоразумѣній между Петровскимъ правительствомъ и его противниками. Послѣдніе хорошо видѣли, къ чему направляются стремленія перваго, но только то самое сближеніе съ западно-европейскими государствами, которое царь и его пособники считали благомъ Россіи, для нихъ представлялось величайшимъ зломъ. Въ немъ видѣли они нѣмѣну преданіямъ московскаго общества, отреченіе отъ собственнаго народа, въ зани-

ствованіяхъ отъ иповѣрцевъ они усматривали опасность для собственной вѣры и старались отстоять то отчужденіе отъ всего иностраннаго, которое свойственно было раньше Московскому государству. Вотъ почему въ дѣйствіяхъ реформаторовъ приверженцамъ старымъ постоянно чудилась ересь, почему они самого царя, круто измѣнившаго порядокъ частной и государственной жизни, считали то нѣмцемъ, то антихристомъ, но упорно отказывались видѣть въ немъ законнаго потомка благочѣстныхъ и правовѣрныхъ Московскихъ государей. Вопросъ ставился о томъ, жить ли Россіи прежней особой жизнью, или войти въ тѣсное и непосредственное общеніе съ семьей европейскихъ народовъ, и старыя привычки, вѣками выработанное мировоззрѣніе побуждали значительную часть русскаго общества давать этому вопросу первое рѣшеніе.

Таковъ былъ смыслъ борьбы, происходившей въ то время въ русской жизни. Вглядываясь въ то, какъ и какими средствами она велась, мы подмѣтимъ одну характерную особенность. Во главѣ одной изъ борющихся партій стояло правительство и это придавало оригинальный характеръ всему движенію. Реформа производилась сверху, волею власти, и противящіяся ей по тому самому получали значеніе государственныхъ преступниковъ, противъ которыхъ по понятіямъ вѣка можно и должно было употреблять всѣ мѣры строгости. Благодаря этому обстоятельству борьба партій пріобрѣтала особенную рѣзкость, такъ какъ такое положеніе давало ей видъ борьбы правительства съ подданными, причѣмъ всякое противодѣйствіе со стороны послѣднихъ являлось уже бунтомъ, выходило изъ рамокъ законности. Отсюда понятно и то крайне враждебное отношеніе къ правительству, отрицаніе самыхъ основъ его законности, какое высказывали противники реформы. Сопротивляясь приказаніямъ правительства и желая въ то же время остаться лояльными, удержаться всецѣло на почвѣ защищаемаго ими стараго порядка, они должны были, по крайней мѣрѣ, пытаться убѣдить себя и другихъ въ томъ, что само это правительство незаконно, а потому и требованія его не имѣютъ надлежащей силы. Съ другой стороны такое положеніе партій создавало скользкую почву для самихъ реформаторовъ, какъ бы подсказывая имъ убѣжденіе, что реформа есть только приказаніе, создавая для нихъ возможность легкаго перехода изъ сферы жизни государственной въ сферу частнаго быта и перестройки послѣдняго тою же силою правительственной власти.

Но здѣсь естественно являются вопросы, въ силу чего же возникло въ Московскомъ государствѣ это стремленіе къ сближенію съ Западной Европой, почему оно проявилось именно въ такой формѣ и, наконецъ, каковы были его результаты для жизни русскаго народа. Отвѣтъ на послѣдній вопросъ дастъ намъ намо-

жизне самой истории 18-го вѣка, что же касается первыхъ двухъ, то не рѣшая пока ихъ, я укажу вамъ тѣ отвѣты, которые давались на подобные вопросы современниками эпохи реформы, и тѣ взгляды, которые постепенно выработывались въ этомъ отношеніи въ наукѣ.

Для людей, жившихъ во время этой напряженной борьбы, естественно было считать исключительными виновниками ея тѣхъ дѣятелей, которые стояли во главѣ новаго движенія, рушившаго прежнюю замкнутую жизнь. Но такимъ дѣятелемъ прежде всего былъ самъ Петрѣ. Онъ и являлся въ глазахъ современниковъ едва-ли не единственнымъ создателемъ реформы. Для враговъ ея онъ былъ антихристомъ, для друзей—героемъ, но тѣмъ и другимъ онъ равно представлялся титаномъ, вынесшимъ на своихъ плечахъ всю тяжесть пересозданія. Характеризуя его, его приверженцы говорили, будто онъ научилъ русскихъ узнавать, что и они люди; будто онъ ихъ «изъ небытія привелъ въ бытіе»; по ихъ словамъ, «на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ и что бы впредь ни дѣлалось, отъ сего источника черпать будутъ». И этими словами указывалась не только важность самой реформы, но и личности, ее произведшей. Эта личность царя-преобразователя въ воображеніи писавшихъ, болѣе невѣжественныхъ слоевъ современнаго ему русскаго общества принимала такіе грандіозные размѣры, что въ то время, какъ одни проклинали его въ качествѣ врага Христова, другіе помѣщали его портретъ на ряду съ образами, ставили ему свѣчки и молились какъ святому. При такомъ отношеніи къ личности царя не приходилось особенно долго задумываться надъ вопросомъ, откуда явилась реформа. Она казалась вытекшей изъ одной личной воли преобразователя, изъ его единичнаго сознанія, за которымъ путемъ механической силы принуждено было слѣдовать все общество. При такомъ представленіи не оказывалось и никакой связи между Петровской эпохой и всѣмъ предшествовавшимъ періодомъ, напротивъ первая противопоставалась второму, какъ нѣчто совершенно другое, рѣзко отрицающее все бывшее раньше. Привычка полемизировать со стариннымъ строемъ повела къ тому, что реформа разсматривалась, какъ привнесенная въ него извнѣ, сломившая его исключительно въ силу своихъ отвлеченныхъ началъ. Такъ глядѣли на нее и ближайшіе потомки эпохи преобразованія. Петрѣ, по словамъ одной изъ церковныхъ проповѣдей, изъ грубаго «древа лѣснаго» передѣлалъ современныхъ ему русскихъ «въ красивые статуи, да еще и небездушные». Процессъ этой переработки по прежнему ставился въ зависимость отъ одной только воли самого Петра и тѣмъ болѣе яркими красками рисовались его результаты, тѣмъ рѣзче отгнѣялось предшествовавшее состояніе Россіи, не имѣвшей, согласно взгляду восхвалятелей преобразованія, никакихъ задатковъ того, чѣмъ

сдѣлалъ ее Петръ, грубой, дикой и невѣжественной. Точно также и люди противоположной партіи продолжали видѣть въ «заморскихъ новшествахъ» результатъ только воли и дѣятельности Петра, стоявшихъ въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ, что было до него. Апогея своего взглядъ этотъ достигъ къ половинѣ 18-го столѣтія, когда Ломоносовъ отозвался о Петрѣ: «онъ богъ твой былъ, Россія». Дальше по этому пути идти было уже некуда; знаніе стараго, допетровскаго быта къ этому времени уже значительно утратилось въ той части русскаго общества, которая приняла реформу, свѣдѣнія о немъ почерпались главнымъ образомъ изъ той литературы, которая ставила своей цѣлью его разрушеніе, и самыя фразы о преобразованіи теперь только заимствовались изъ нея же и повторялись, причемъ не особенно вдумываясь даже въ ихъ значеніе. Но съ одной стороны пробуждавшаяся способность относиться къ прошлому болѣе критически, тѣмъ болѣе, что мотивы безповоротнаго осужденія Московской Руси изъ опасенія вернуться къ ея жизни постепенно ослабѣвали и исчезали, съ другой стороны національная гордость вызвали наконецъ естественную реакцію такому взгляду. Понемногу общество стало низводить Петра съ того громаднаго пьедестала, на которой оно его возвело, и видѣть въ русскомъ государствѣ 17-го вѣка не такой уже грубый и неотесанный матеріалъ, какимъ оно представлялось еще недавно. Въ дѣйствіяхъ преобразователя стали находить увлеченія и ошибки, не находя уже въ нихъ прежней непогрѣшимости, а въ нѣкоторыхъ взглядахъ его противниковъ увидѣли хорошія и свѣтлыя стороны. Но преобразователя и окружавшее его общество все еще понимали не какъ одно цѣлое, а какъ различныя силы, достоинства и впервые указанныя недостатки реформы приписывались качествамъ одного лица, а если въ обществѣ, на которое это лицо воздействовало, и отыскивали болѣе свѣта, чѣмъ прежде, то это лишь заставляло считать его болѣе удобнымъ для обработки матеріаломъ, но никакъ не придавать ему сколько-нибудь активной роли въ дѣлѣ выработыванія новыхъ жизненныхъ формъ. Правительство по прежнему считалось единственнымъ активнымъ дѣтелемъ въ этомъ смыслѣ и самое правительство все еще концентрировалось въ личности царя, только эта личность въ сознаніи людей стала принимать болѣе человѣчeskій обликъ.

Такой видъ приняли воззрѣнія русскаго общества второй половины 18-го вѣка на преобразование Петровской эпохи. Къ этому времени относится и начало сколько-нибудь научной обработки исторіи въ Россіи. При первыхъ же робкихъ шагахъ своихъ она должна была обратить вниманіе на Петра, положившаго такой рѣзкой гранью между двумя періодами жизни русскаго государства. Но при слабости науки въ ея тогдашнемъ состояніи не она вносила руководящіе взгляды въ жизнь

общества, а наоборот, изъ ходячихъ возрѣній въ обществѣ она вочерпала свои принципы и затѣмъ уже сообразно имъ формировала свой матеріалъ, подгоняя его подъ тотъ или другой общій взглядъ. Такимъ образомъ и въ первыхъ попыткахъ обработки исторіи Петра В. отразились создавшіеся уже въ обществѣ взгляды на него. Щербатовъ, взявшійся за эту задачу, разбиралъ дѣятельность Петра виѣ всей ея исторической обстановки, критиковалъ ее съ точки зрѣнія своихъ личныхъ взглядовъ, осуждалъ наиримѣръ демократическую тенденцію табели о рангахъ и заступался за московское боярство, порицая или оправдывая жестокость наказаній противниковъ реформы; во всемъ ходѣ преобразования онъ усматривалъ одну лишь личную волю царя и хвалилъ или хулилъ эту волю, нрѣдка лишь подставляя къ ея дѣйствіямъ историческія объясненія. Весь центръ тяжести вопроса о причинахъ преобразования лежалъ для него въ личныхъ качествахъ преобразователя и все различіе его отъ Ломоносова заключается въ томъ, что онъ видитъ въ этомъ преобразователѣ только человѣка, способнаго ошибаться и потому подлежащаго критикѣ, а не вызывающаго безусловнаго восхваленія. Другой историкъ, работавшій въ это время, Болтинъ, въ своихъ замѣчаніяхъ на русскую исторію, написанную французомъ Локлеркомъ, доказывалъ, что Россія и до Петра не была дикою или совершенно невѣжественной страной, что въ ней существовало и определенное гражданское устройство, и образованность уже съ давняго времени, такъ что Петру В. приходилось имѣть дѣло не съ дикарями и не создавать, а только преобразовывать государство. Не внося сами по себѣ новыхъ взглядовъ въ пониманіе Петровской эпохи, эти работы важны были однако тѣмъ, что въ нихъ началась разработка фактической исторіи, и такимъ образомъ онѣ вносили въ обиходъ общественнаго мышленія запасъ фактовъ, съ которыми надобно было уже считаться, пытались выстроить ту или другую теорію. Сравнительно съ голословными утвержденіями, бывшими въ ходу до тѣхъ поръ, это составляло все-таки шагъ впередъ.

Такое положеніе продолжалось очень долго, около полувѣка. Втеченіе этого времени изученіе древней исторіи Россіи сдѣлало значительные успѣхи, главнымъ образомъ въ смыслѣ ознакомленія съ фактами этой исторіи: найдено было много памятниковъ, относящихся къ разнымъ сторонамъ частнаго и государственнаго быта, обследованы многіе темные вопросы первыхъ страницъ русской исторіи, наконецъ вышла громадная по количеству положеннаго на нее труда «Исторія государства Россійскаго» Карамзина, впервые соединившая въ одно цѣлое отдѣльныя изслѣдованія, представившая связанную картину русской исторіи до конца 16-го вѣка и тѣмъ давшая толчокъ дальнѣйшей работѣ въ этой области. Обиліе фактическаго матеріала не со-

адало еще однако сразу новых точек зрѣнія на него. Последнія или оставались шаблонными, какъ у самого Карамзина, или заимствовались цѣликомъ у западныхъ ученыхъ, какъ это дѣлалъ напр. Полевой съ его теоріей феодализма въ древней Руси. Общую участь раздѣлила и эпоха Петра В. Въ 40-хъ годахъ вышло въ свѣтъ сочиненіе Устрялова «Исторія Петра В.», написанное по порученію правительства. Автору открыты были всѣ архивы и благодаря этому онъ внесъ въ свой трудъ много любопытнаго матеріала, остававшагося до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ, но въ общемъ взглядѣ его на Петра и его реформу нѣтъ ничего новаго: это то же самое воззрѣніе конца 18-го вѣка, приписывающее все дѣло реформы одному человѣку въ силу его необыкновенныхъ качествъ, и соотвѣтственно этому у Устрялова самое изложеніе біографіи Петра принимаетъ видъ чего-то похожаго на житіе. Оригинальными по формѣ, если и не новымъ по смыслу своему, точки зрѣнія были внесены въ этотъ вопросъ не путемъ фактическаго его изученія, а путемъ апріорныхъ построеній въ знаменитомъ спорѣ славянофиловъ и западниковъ, начавшемся около того же времени. Было бы слишкомъ долго налагать всю ученіе той и другой партіи, да и увело бы это насъ слишкомъ въ сторону, и потому я ограничусь только передачей сущности ихъ противоположныхъ воззрѣній на значеніе времени Петра въ русской исторіи и краткимъ указаніемъ тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ эти воззрѣнія составились.

Согласно взгляду славянофиловъ, славяне вообще и рускіе въ частности уже на первыхъ порахъ выступленія своего на историческое поприще воспитали въ себѣ особенности, рѣзко отдѣлившія ихъ отъ народовъ Западной Европы. Такими особенностями были: 1) природный характеръ, въ которомъ преобладали начала душевнаго раціоналізма и цѣльности міровоззрѣнія, 2) принятіе христіанства отъ Восточной церкви, гдѣ оно сохранилось въ наиболѣе чистомъ видѣ съ преобладаніемъ сущности надъ формой, 3) общественное и государственное устройство, основанное на идеѣ внутренней правды и всеобщаго единодушія. Въ противоположность этому въ исторіи всего Запада усматривалось одностороннее направленіе, преобладаніе разсудочности, перовѣсь формы надъ содержаніемъ, силы надъ справедливостью. Россія предстояло развить своя собственныя начала, выработать цивилизацію, отличную отъ западной, но Петръ путемъ чисто западнаго, незнакомаго славянамъ средства—насилія внесъ въ ея жизнь чуждыя ей идеи, образованность, построенную на несвойственныхъ ей принципахъ. Это искажило жизнь русскаго общества и государства и для того, чтобы исправить ее, надобно отринуть западно-европейскую цивилизацію, вернуться назадъ и построить жизнь на своихъ началахъ, сохранившихся въ быту народнои массы, не тронутой реформой Петра.

Въ полномъ противорѣчїи съ этимъ взглядомъ стояли западники. По ихъ мнѣнію, возможна была только одна цивилизація, одна культура и она наиболѣе ярко и полно воплотилась въ культурѣ западно-европейскихъ народовъ. Россія до Петра оставалась чужда ей, но и не имѣла никакой образованности вообще, исключая нѣкоторыхъ слабыхъ задатковъ, пребывала въ невѣжествѣ и грубости. То, въ чемъ славянофилы усматривали особенности русской жизни, общинное устройство, въ глазахъ западниковъ было не болѣе и не менѣе, какъ отсталая, устарѣлая формы жизни, такъ какъ путь развитія имъ представлялся одинаковымъ во всѣхъ своихъ деталяхъ для всѣхъ народовъ. Заслуга Петра заключалась въ томъ, что онъ вывелъ Россію изъ состоянія неподвижности, застоя и варварства на путь европейскаго просвѣщенія силою своей громадной воли и гениальныхъ способностей. Тѣ же особенности, какія сохранялись еще въ русской жизни, на взглядъ западниковъ представлялись остатками прежняго варварскаго состоянія, показывающими, что Россія не исполнила еще усвоила себѣ западную культуру, и подлежащими возможно скорѣйшему уничтоженію.

Разбирая эти взгляды, не трудно замѣтить, что существенное содержаніе ихъ почерпнуто не изъ изученія исторїи того времени, о которомъ шла рѣчь. Обѣ спорящія стороны гораздо болѣе заботились о стройномъ и систематическомъ изложенїи своего ученія, чѣмъ о подкрѣпленїи его серьезными доказательствами, и какъ раньше взгляды историковъ на Петровскую эпоху почерпывались изъ циркулировавшихъ въ обществѣ публицистическихъ воззрѣній, такъ теперь эти теорїи являлись отраженіемъ философскихъ увлеченій, охватившихъ русское интеллигентное общество въ половинѣ нашего столѣтія. Дѣйствительно, оба ученія, какъ западниковъ, такъ и славянофиловъ, построены были подъ сильнаго вліяніемъ современныхъ имъ философскихъ системъ западныхъ ученыхъ, преимущественно Гегеля, несмотря на то, что въ немъ славянофилы видѣли представителя чуждаго имъ и уже разлагающагося Запада. Оба ученія представляютъ собою чисто абстрактныя схемы развитія въ цѣломъ своемъ видѣ, поскольку же они относятся къ реформѣ Петра, въ нихъ проявляется все та же вѣра въ неограниченное могущество личности, которая могла, по одному, исказить, по другому, исправить жизнь цѣлаго народа. Такое положеніе объясняется слабостью у насъ тогдашней исторической науки, не выработавшей сколько-нибудь серьезной теорїи. Априорность положеній обѣихъ школъ была настолько сильна, что спускаясь на почву реальныхъ фактовъ, онѣ должны были дѣлать такіа оговорки, которыя при болѣе вдумчивомъ отношенїи къ нимъ способны были опрокинуть все старательно возведенное аданіе общаго построенія. Какъ славянофилъ И. Кирѣевскій, выставивъ положеніе, что русская образованность отли-

чается отъ западной преобладаніемъ внутренней истины надъ формой, что, по его мнѣнію, особенно проявлялось въ религіозной сферѣ, затѣмъ должно было признаться, что именно въ этой области въ Россіи XVI-го вѣка «уваженіе къ формѣ уже во многомъ преобладаетъ надъ уваженіемъ духа», какъ онъ же, ставя главнымъ отличіемъ русскаго человѣка отъ западнаго европейца душевное равновѣсіе и цѣльность въ противоположность порывистости послѣдняго, въ то же время могъ представить себѣ его жизнь въ видѣ «неправильнаго сочетанія излишнихъ напряженій съ излишними изнеможеніями» и говорить, что при недозрѣлости русскаго его дѣятельностью лучше его самого можетъ управлять «самый ограниченный умъ нѣмца», такъ ярымъ западникъ Ыблинскій, считая допетровскую Россію погруженной въ полный застой, въ то же время говорилъ о частичномъ усвоеніи европейскаго просвѣщенія уже во время Алексѣя Михайловича и Федора Алексѣевича. Запасъ фактовъ оказывался шире теорій и это будетъ понятно, если мы примемъ во вниманіе, что не теоріи эти строились на основаніи фактовъ, а послѣдніе лишь подгонялись подъ нихъ. Тѣмъ не менѣе этотъ споръ не остался безъ важнаго положительнаго вліянія на сознаніе русскаго общества. И не думаю опять-таки опредѣлять общаго его значенія, скажу только о томъ, что онъ впесѣ въ пониманіе интересующаго насъ періода русской исторіи. Теорія славянофиловъ, противопоставлявшая питедлигентному обществу, преобразованному Петровской реформой, народъ, будто бы ею не затронутый, заставила обратить большее вниманіе на послѣдній, но писать исторію однихъ лишь высшихъ классовъ и исключительно государственныхъ отношеній. Въ свою очередь защита западниками реформы принудила ихъ выставлять такіе факты, которые говорили о сознаніи необходимости преобразованія, жившемъ въ самомъ Московскомъ государствѣ еще до Петра, и о попыткахъ къ нему. Такъ постепенно подготовлялась почва для всесторонняго научнаго изученія вопроса, изученія, время котораго уже наступало.

Въ разгаръ литературной борьбы славянофиловъ и западниковъ началъ появляться въ свѣтъ громадный трудъ московскаго профессора С. М. Соловьева «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Въ немъ авторъ, пользуясь частью уже извѣстными данными, частью новыми, въ значительномъ количествѣ собранными имъ самимъ, впервые прочно установилъ научную точку зрѣнія на Петровскую реформу. Сдѣлать это дали ему возможность съ одной стороны богатство фактовъ по исторіи 17-го вѣка, остававшихся неизвѣстными прежнимъ исследователямъ, съ другой—болѣе прочно установившіеся взгляды на процессъ историческаго развитія. Въ представленіи Соловьева 18-й вѣкъ не является уже оторваннымъ отъ общей исторіи Россіи и противопоставленнымъ ей, а выступаетъ какъ результатъ всего предыдущаго

хода исторіи. Реформа, произведенная Петромъ, согласно его мнѣнію, была не случайностью, доброй или злой, не проявленіемъ единичной воли, а неизбежнымъ выводомъ изъ всего предшествовавшаго развитія. Самая программа этой реформы не принадлежала Петру, а была выработана русскимъ обществомъ втеченіе 17-го вѣка и заслуга Петра лишь въ томъ, что онъ воспринялъ и выполнилъ ее. Задолго до Петра въ Московскомъ государствѣ начали сознавать необходимость сближенія съ Западной Европой и попытки такого сближенія дѣлались еще при царѣ Иванѣ Грозномъ, при Борисѣ Годуновѣ, а во второй половинѣ 17-го вѣка онѣ обращаются уже въ постоянное неуклонное стремленіе, достигающее высшей своей силы ко времени Петра, реформа котораго и явилась разрешительницей назрѣвшаго въ жизни народа вопроса. Самая вѣщность этой реформы объяснялась историческими условіями, нравами эпохи. Но отъ старыхъ взглядовъ нельзя было освободиться сразу совершенно и вліяніе ихъ сказалось на Соловьевѣ тѣмъ, что, говоря о преемственности явленій 17 и 18 вѣковъ, онъ болѣе стремится указать эту преемственность въ образованіи той или другой оригинальной черты фигуры Петра, чѣмъ въ ходѣ внутреннихъ процессовъ народной жизни. Съ другой стороны, опровергая прежнее пониманіе реформы, какъ явленія случайнаго, онъ подчасъ слишкомъ увлекается желаніемъ доказать ея необходимость и подставляетъ черезчуръ глубокомысленныя историко-философскія объясненія къ фактамъ, объясняющимся гораздо проще, видя, напр., въ замѣнѣ русскаго князя нѣмецкимъ въ высшей степени знаменательный фактъ. Но за исключеніемъ этихъ частныхъ сторонъ взглядъ Соловьева сдѣлался исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ работъ по исторіи 18-го вѣка и былъ почти безъ пзмѣненія повторенъ другими историкомъ Петра В.—Погодинымъ.

При продолжавшейся разработкѣ исторіи Петровскаго времени выдвинуть былъ еще одинъ вопросъ, не нашедшій себѣ достаточнаго объясненія у Соловьева. Рядомъ трудовъ былъ вскрытъ именно во всѣхъ своихъ размѣрахъ разладъ, господствовавшій въ русскомъ обществѣ времени Петра по вопросу о реформѣ, и обрисованы тѣ крайнія мѣры, которыя принимались правительствомъ для защиты себя и своихъ взглядовъ. Вытекавшій отсюда вопросъ о положеніи правительства въ борьбѣ партій Кавелинъ разрешалъ, указывая на то, что потребность реформы должна была прежде всего сказаться въ высшихъ классахъ и потому правительство и взяло ее въ свои руки. Другой историкъ, Костомаровъ, доказывалъ, что при томъ самодержавномъ строѣ, который уже выработался въ Московскомъ государствѣ, реформа могла быть только дѣломъ правительства. Не трудно видѣть, однако, что оба эти мнѣнія, заключаая въ себѣ часть истины, далеко не рѣшаютъ еще вопроса въ его цѣлостъ.

Другихъ крупныхъ работъ по исторіи Петровской реформы